

УДК 94(37).05
DOI: 10.17223/19988613/52/23

Р.М. Фролов

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Р. БАУМАНОМ ОТСТРАНЕНИЯ КОНСУЛА Л. КОРНЕЛИЯ ЦИННЫ ОТ ДОЛЖНОСТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В 87 г. до н.э.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-31-01205.

Анализируется предложенная Р. Бауманом развернутая интерпретация отстранения римского консула Л. Корнелия Цинны от должностных обязанностей в 87 г. до н.э. С точки зрения Баумана, Цинна был лишен власти по решению сената, который объявил консула врагом государства (*hostis publicus*). В статьях 1966 и 1968 гг. Бауман исходит из того, что фактическое лишение гражданских прав в результате этого акта (часто он обозначается в исследовательской литературе термином *hostis-Erklärung*) автоматически привело и к потере Цинной магистратского положения. Однако в работе 1973 г. Бауман аргументирует тезис о том, что против консула была направлена особая расширенная *hostis-Erklärung*, которая напрямую лишала его должности. Одновременно с этим исследователь отмечает, что акт сената имел пробулевтический характер, т.е. он не был самодостаточным и лишь подготавливал голосование народного собрания по поводу досрочного прекращения консульского империя Цинны (*abrogatio imperii*). Несмотря на внутренние противоречия и невозможность убедительной аргументации концепции Баумана, ее рассмотрение помогает приблизиться к формулировке новой трактовки дискуссионного эпизода 87 г. до н.э.

Ключевые слова: Римская Республика; Л. Корнелий Цинна; отстранение от должности; *hostis-Erklärung*; Р. Бауман.

В 87 г. (здесь и далее все даты в статье – до н.э.) консул Л. Корнелий Цинна предложил ряд законодательных инициатив. Когда против них выступили плебейские трибуны, сторонники Цинны стали угрожать последним применением силы. Последовавшее за этим вмешательство коллеги Цинны Гн. Октавия привело к кровавому столкновению, в котором те, кто поддерживали Цинну, потерпели поражение¹. Дальнейшие события обычно трактуют как досрочное отстранение Цинны от консульской должности, однако интерпретации того, как именно оно было реализовано, предлагаются различные. Основные исследовательские подходы² сводятся к признанию того, что Цинна либо был лишен консульской власти по постановлению сената, либо перестал быть магистратом по решению комиций. Задачей настоящей статьи является анализ интерпретации событий 87 г. Р. Бауманом, который полагал, что сенат официально объявил Цинну *hostis publicus* – врагом государства (в исследовательской литературе для обозначения этого акта часто используется термин *hostis-Erklärung*). Предложенная Бауманом трактовка оригинальна, но является весьма спорной и, на мой взгляд, не выдерживает критики. Тем не менее ее обсуждение, рассмотрение характерных для нее противоречий и ограничений, равно как и выявление ее сильных сторон, помогают приблизиться к формулировке нового понимания этого дискуссионного эпизода истории позднереспубликанского Рима.

Прежде чем перейти к анализу концепции Баумана, необходимо кратко изложить те проблемы, с которыми сопряжено принятие тезиса о том, что Цинна был объявлен врагом государства.

Даже если бы было доказано то, что Цинну признали *hostis*, нельзя было бы только на этом основании говорить об утрате им консульской должности. На де-

кларативный характер *hostis-Erklärung* указывал, например, В. Кункель [2. S. 239].

Далее нигде в источниках прямо не говорится об объявлении Цинны врагом государства в тех терминах, в которых об этом сообщается в бесспорных случаях *hostis-Erklärung*. Так, не употребляется обычное для таких эпизодов выражение *hostem iudicare*³ или аналогичное, которое включало бы термин *hostis*.

Убедительные возражения против предположения о *hostis-Erklärung* приводит Ю. Унгерн-Штернберг [3. S. 76–77]. Он отмечает, что в передаче Аппиана Цинна в своей речи перед солдатами (покинув Рим, он пытался привлечь их на свою сторону) жаловался на попытку сената отстранить его от консульства, однако ничего не говорил о потере гражданских прав (*App. BC. I. 65*). Между тем последнее – ключевой элемент *hostis-Erklärung*. По свидетельству Диодора (XXXVIII/XXXIX. 1; ср. *App. BC. I. 69*), в ходе позднейших переговоров с сенатом Цинна добивался подтверждения своего консульского статуса, но, опять-таки, не гражданских прав. Наконец, Веллей, Плутарх, Аппиан и Дион Кассий (*Vell. Pat. II. 21. 6; Plut. Mar. 43. 2; App. BC. I. 70–71; Dio Cass. XXX–XXXV. 102. 8*; также см. *Per. LXXX*) сообщают о том, что присоединившийся к Цинне Г. Марий перед тем, как вернуться в Рим, добивался отмены комициями решения о своем изгнании. Однако Цинна для себя ничего подобного не требовал, следовательно, его положение было иным, чем у Мария, действительно объявленного *hostis*.

К сказанному Унгерн-Штернбергом можно добавить то, что в источниках отсутствуют какие-либо намеки на угрозы конфискации имущества Цинны и / или разрушения его дома, что фиксируется для ряда бесспорных случаев применения *hostis-Erklärung* [4. P. 289–290]. Также нет оснований говорить о том, что противники Цинны стремились его выследить и физи-

чески устранить, как это было сделано в 88 г. в отношении П. Сулпиция Руфа, действующего плебейского трибуна, объявленного *hostis* (*App. BC. I. 60; Plut. Sull. 10. 1*). Может быть, все эти меры и являлись, как пишет Бауман [4. Р. 290], лишь возможными сопутствующими обстоятельствами *hostis-Erklärung*, но подозрительно выглядит то, что ни одного из них в связи с ситуацией вокруг Цинны в нарративной традиции не отмечается.

Как полагает Р. Морстейн-Маркс, сенату весьма сложно было убедить граждан в том, что действующий консул, законно избранный народом, является врагом государства и не обладает гражданскими правами [5. Р. 265–266]. Прецедентов такому смелому акту не было. Представляется, что часть сенаторов, особенно тех, кого нельзя было отнести к числу убежденных противников Цинны (а таких, как предполагает Б. Катц [6. Р. 521–523; 7. Р. 161–162, п. 2], было большинство), могли задуматься о собственных перспективах в случае его победы. Такого рода предположения должны рассматриваться всерьез, поскольку известно, например, что проконсул Кв. Цецилий Метелл Пий, посланный против Цинны во главе армии, вскоре по собственному решению, учитывая настроения своих солдат, признал Цинну консулом (*Gran. Lic. XXXV. 47–48 Criniti; Diod. XXXVIII/XXXIX. 2*).

Наконец, возникает вопрос о том, имелись ли формальные основания для *hostis-Erklärung* [2. Р. 239]. До какой степени важным оставалось для римлян следование политическим формальностям даже в условиях гражданских войн поздней Республики, недавно подчеркнул Х. Муритсен [8. Р. 2]. Если иметь в виду именно *hostis-Erklärung*, можно вспомнить хотя бы о том, сколько усилий потребовалось Цицерону для того, чтобы Катилина покинул Рим и открыто выступил против Республики. Как пишет Унгерн-Штернберг, Катилину смогли объявить врагом только, когда он оказался «в поле» во главе армии [3. S. 112]. Поскольку Цинна армию заполучил уже после того, как сенат принял против него постановление (на которое консул ссылается в речи перед войском; *App. BC. I. 65–66*), последнее еще не могло иметь в виду врага, открыто выступавшего против Города с оружием в руках.

Несмотря на все сказанное, определенный «протор» для предположения о том, что Цинна был объявлен врагом государства, сохраняется. Рассмотрим то, как попытался это использовать Бауман.

В статьях 1966 и 1968 гг. Бауман сформулировал концепцию, согласно которой досрочное лишение империя – абrogация (*abrogatio imperii*) – могли осуществляться только комициями и только при нарушениях в сфере *militiae*. Сенат со своей стороны мог лишь попытаться принудить магистрата к формально добровольному отказу от должности – абдикации (*abdication*). Спорный момент заключался в том, мог ли сенат узурпировать право народа на отстранение магистрата от должности, на что жаловался Цинна в повествовании Аппиана. По мысли Баумана, доктрина добровольного отказа от магистратуры, по предложению сената, ради

общественных интересов убеждала (*encouraged*) сенат в том, что он является защитником этих интересов. Поэтому когда в Сивиллиных книгах (*Gran. Lic. XXXV. 1–2 Criniti*) обнаружили, что мир может быть восстановлен, только если Цинна будет изгнан, сенат получил традиционное обоснование для соответствующих действий. Но ввиду того, что добровольное (даже под давлением) сложение полномочий Цинной было маловероятным, обратились к новой стратегии, – отмечает Бауман. Согласно Аппиану, «Сенат постановил, что поскольку Цинна, будучи консулом, оставил Город в опасности и объявил свободу рабам, он не является ни консулом, ни даже гражданином, и вместо него избрал Луция Мерулу, жреца Юпитера»⁴. По мнению Баумана, сенат, объявив Цинну таким образом *hostis*, «просто реализовал собственную доктрину» (*simply applied its own doctrine*), поскольку это постановление «по сути» (*in principle*) не отличалось от *senatus consultum ultimum* (SCU), примененного против Г. Гракха или марианцев. Сенат не претендовал на то, чтобы аннулировать империй Цинны напрямую, но имел в виду то, что если Цинна – *hostis* и более не гражданин, то он автоматически и не консул. Как заключает Бауман, сенат действовал, следовательно, при помощи процедуры, которая никак не была связана с комициями. Законность действий сената всецело зависела от законности *hostis-Erklärung* [9. Р. 131–133; 10. Р. 37, 41–43].

Первое, что следует заметить: Бауман учитывает лишь взгляды тех, кого он называет «оптиматами», а также предполагаемые представления сенаторов вообще о том, в чем должна заключаться роль их собрания в ситуациях, когда возникала, с их точки зрения, необходимость досрочного лишения кого-либо магистратуры [9. Р. 133–134]. Фактически Бауман признает, что, не имея права напрямую аннулировать империй, сенат в случае Цинны прибегнул к объявлению консула *hostis*, что на практике с необходимостью означало потерю им власти. Я полагаю, что сенат действительно стремился лишить Цинну власти, но то, что избранный для этого механизм означал формальное лишение должности, еще требуется доказать. Далее, даже если постулировать последнее, остается неясным, было ли такое решение легальным и являлось ли оно легитимным. Сам Бауман признает, что отстранение магистрата напрямую постановлением сената было бы признано узурпацией власти народа. Но разве тем же самым не посчитали бы объявление сенатом какого-либо *hostis*, если такое решение с необходимостью приводило к такой же формальной утрате магистратского положения и, даже более того, еще и лишало статуса гражданина? В независимости от того, как мы понимаем содержание постановления сената против Цинны, римляне прекрасно осознавали, что на практике оно представляло собой не что иное, как попытку узурпации власти комиций. В противном случае Цинна в передаче Аппиана не указывал бы именно на это в речи на воинской сходке, а Веллей (*Vell. Pat. II. 20. 3*) и Цицерон (*Cic. Att. IX. 10. 3*) прямо не называли бы действия се-

ната незаконными (даже при том, что Цинне они явно не симпатизировали).

Если акт, направленный против консула, был легитимным только для одной из сторон конфликта, то концепция Баумана в действительности ничего не объясняет, а только целиком повторяет ту позицию, которой придерживались оппоненты Цинны. Неудивительно, что в рамках этой системы представлений остается без ответа вопрос о том, почему решение сената об отстранении Цинны могло быть и было им оспорено (сложно переоценить значение этого момента для понимания того, почему в конечном итоге Цинна одержал победу и был снова признан консулом).

В трактовке Баумана главным обоснованием отстранения Цинны фактически становится для сената ссылка на авторитет Сивиллиных книг (*Gran. Lic. XXXV. 1–2 Criniti*). К нужному пророчеству, как это обычно бывает, обратились для того, чтобы «задним числом» обосновать уже совершенные действия. Но верно заключает Морстейн-Маркс, что это было сомнительное оправдание [5. Р. 265]. Тот факт, что к нему все же прибегли, уже сам по себе демонстрирует, как мне представляется, слабость позиции сената. Морстейн-Маркс полагает, что таким образом пытались купировать возмущение по поводу очевидного нарушения *mos maiorum* и конституционных прав народа. Вдобавок ко всему, была нарушена традиционная процедура обращения к Сивиллиным книгам [Ibid.]. Действительно, как сообщает Граний Лициниан, предсказание было зачитано перед всеми, т.е. на народной сходке (на *contio* указывает употребление *palam*), чего ранее никогда не делалось (XXXV. 1–2 Criniti). С. Саттерфилд отмечает, что случай 87 г., строго говоря, все же не был первым, когда сенат публиковал пророчество из Сивиллиных книг, но, тем не менее, такая публикация была чрезвычайно редким явлением [11. Р. 119, п. 6]. В Риме народу сообщались либо те пророчества, которые касались и без того уже всем известных процедур, либо те, которые относились к ситуациям настолько необычным, что они имели все шансы остаться уникальными [Ibid. Р. 124]. Если это так, то в нашем случае речь могла идти как раз о последнем варианте: сенат пытался оправдать свои действия уникальностью сложившихся обстоятельств, якобы потребовавших беспрецедентных мер.

Наконец, к обсуждению всех этих деталей имеет смысл обращаться, строго говоря, лишь после того, как будет доказано, что постановление сената против Цинны действительно означало объявление его *hostis*. Никакого обоснования этого тождества Бауман в статьях 1966 и 1968 гг. не приводит. Кроме того, он допускает, что постановление против Цинны принципиально не отличалось от SCU, что еще больше запутывает дело. Даже если пренебречь тем, что SCU не могло быть направлено против конкретного лица, в отличие от *hostis-Erklärung*⁵, эти два акта, вдобавок ко всему, вполне сочетались друг с другом. Как полагает Унгерн-Штернберг, SCU подготавливало *hostis-Erklärung* [3.

S. 112]. А. Аллели же отмечает возможность применения указанных механизмов и независимо друг от друга [12. Р. 19]. Если это так, то SCU и *hostis-Erklärung* – акты принципиально различного характера, и их нельзя сводить один к другому. Во всяком случае, здесь явно требуются дополнительные комментарии, которых Бауман не предоставляет.

В своей более поздней работе, опубликованной в 1973 г. [4], Бауман уточнил интерпретацию интересующего нас эпизода. К сожалению, и на тот момент исследователь, по всей видимости, еще не имел доступа к монографии Унгерн-Штернберга, поэтому не учитывает его аргументы «против» версии о том, что Цинна был объявлен *hostis*.

Статья 1973 г. интересна тем, что в ней Бауман уже не ограничивается простым выводом о том, что сенат объявил Цинну врагом. По мысли исследователя, постановление сената выполняло пробулевтическую функцию, т.е. подготавливало решение комиций об абrogации империя Цинны. Аргументируется этот вывод ссылкой на то обстоятельство, что очень часто фраза *ex auctoritate senatus* (которую в отношении событий 87 г. употребляет Веллей⁶) применялась в качестве синонима выражения *ex senatus consulto*, а оно, в свою очередь, указывало на предварительное одобрение сенатом того решения, которое далее должно было быть предложено на голосование народу [Ibid. Р. 286]. Однако все подобные случаи, в том числе тот, который Бауман считает наиболее похожим на ситуацию Цинны (*Liv. IV. 49. 6*; речь идет о предварительном одобрении сенаторами законопроекта о выведении колонии), не касаются пробулевтических постановлений именно по поводу лишения должности.

Таким образом, к уточнению процедуры отстранения Цинны вышеупомянутые эпизоды прямого отношения не имеют. О том, что в действительности они никак не проясняют интересующие нас события, говорит уже то, что Цинна оспаривал решение сената против него, в то время как в эпизодах, с которыми Бауман сопоставляет наш случай, никому из действующих лиц не приходило в голову ставить под сомнение право сената выражать свое мнение по поводу того, что будет в дальнейшем предложено комициям на голосование.

Достаточно и таких примеров, когда выражение *ex auctoritate senatus* или эквивалентные ему словосочетания употреблялись, но ни о каком последующем решении комиций речи совершенно определено не шло. Более того, среди подобного рода случаев есть тот, который касается как раз отстранения магистрата от должностных обязанностей. Светоний, сообщая об отстранении Г. Юлия Цезаря от претуры в 62 г., отмечает, что оно было осуществлено по решению сената (*Suet. Iul. 16: administratione rei publicae decreto patrum submoverentur*). Это постановление не привело далее к голосованию в комициях и было отменено опять-таки решением одного сената (*in integrum restituit inducto priore decreto*) [13]. Причина, по которой Бауман не сопоставляет случай Цинны с теми эпизодами, которые

на него похожи по существу, а не только тем, что в них какую-то роль играло постановление сената, состоит, на мой взгляд, в том, что исследователь неверно интерпретирует отстранение Цинны как формальное лишение должности.

Бауман упускает из виду то, что источники (Рег. LXXIX; *Gran. Lic.* XXXV. 1–2 Criniti) говорят об оппозиции шестерых (т.е. большинства) плебейских трибунов решению об отстранении Цинны, что следует из сообщений об их удалении из Рима вместе или вслед за консулом. Это весьма важное обстоятельство, так как если трибуны препятствовали утверждению постановления сената, то, строго говоря, сенатом должно было быть принято не *senatus consultum*, а именно *senatus auctoritas*, которую и упоминает Веллей⁷. Таким образом, не исключено, что *senatus auctoritas* употребляется им в техническом значении и указывает именно на такое решение сенаторов, которое было заблокировано трибунами (в отличие от *senatus consultum* в значении «такое постановление, которое не было заблокировано») [14. Р. 85]. Если это так, то как раз в данном случае проблематично говорить о том, что фраза *ex auctoritate senatus* использовалась в качестве синонима выражения *ex senatus consulto*.

Если полагать, что Веллей точен настолько, что употребляет выражение *senatus auctoritas* в указанном техническом значении, то тогда тем более маловероятно, что он лишь случайно не сообщил о пробулевтическом характере постановления сената и не подчеркнул, что решение об отстранении технически принимали комиции, а не сенат. Бауман сначала никак не объясняет то, почему пробулевтическое, по его мнению, сенатское постановление, т.е. по сути подготовительное решение, называется в источниках, а более важный акт, решение комиций, без которого декрет сената не достигал цели, обходится молчанием. Сложно поверить в то, что в условиях, когда Цинна оспаривал законность действий его врагов, наши источники упустили именно ту информацию, которая имела самое непосредственное отношение к этому вопросу. Ведь наличие решения комиций поставило бы Цинну в несравненно худшие условия, чем одно лишь постановление сената. Трудно представить, например, что Аппиан реконструировал бы аргументацию Цинны в речи перед солдатами именно в том виде, в каком греческий автор это делает, если бы комиции действительно отняли у Цинны консулат. (Бауман и сам склоняется к заключению о том, что голосование комиций против Цинны так и не состоялось, но данный вывод он приводит не там, где говорит о пробулевтическом характере постановления сената [4. Р. 286], а в другом месте [Ibid. Р. 289], что сбивает с толку читателей его статьи. См. об этом ниже.)

Неубедительна и ссылка Баумана на избрание консулом-суффектом (на место Цинны) Л. Корнелия Мерулы комициями для подкрепления тезиса о том, что до этого Цинна был ими отстранен [Ibid. Р. 286]. То, что Мерула был избран комициями, еще требуется дока-

зать, чего Бауман не делает и что вряд ли возможно сделать. Так, фраза Аппиана (BC. I. 65) [ἡ] ...βουλὴ... Λεῦκιον Μερόλαν ἐχειροτόνησαν ἀντ' αὐτοῦ («сенат... избрал вместо него (sc. Цинны) Луция Мерулу») прямо свидетельствует совсем о другом: именно сенат назначил суффекта. Может показаться, что в тексте Аппиана гл. ἐχειροτόνησαν, стоящий во мн. ч., не относится к ἡ βουλὴ (в ед. ч.). Однако, как писал по поводу именно этого случая Катц [7. Р. 163, п. 3], весьма вероятно, что вместо сената в ед. ч. подразумеваются «сенаторы» во мн. ч. (например, βουλευταὶ или аналоги этого термина), т.е. при подлежащем, выраженном собирательным существительным, глагол стоит во мн. ч., поскольку идет согласование по смыслу. На мой взгляд, именно такой перевод является единственно возможным, учитывая то, что в дальнейшем повествовании Аппиана Цинна жалуется на то, что сенат во всем действовал самостоятельно, совершенно проигнорировав мнение народа.

Бауман, со своей стороны, лишь бездоказательно называет ошибочным мнение некоторых исследователей о том, что избрание Мерулы было актом самого сената, а не комиций [4. Р. 286–287, п. 91]. Между тем и отстранение Цинны, и назначение Мерулы были осуществлены, как можно заключить из показаний Аппиана и Веллея, одним и тем же сенатским постановлением, пробулевтическую функцию которого в отношении отстранения консула Бауман все же считает необходимым доказывать. В «пользу» такой же функции этого постановления в отношении назначения суффекта он аргументы не приводит и доказывает аброгацию консулата Цинны комициями через недоказанное избрание Мерулы комициями.

Бауман ссылается на Э. Груэна [15. Р. 231–234], когда утверждает, что Мерула входил в число противников Цинны. Если народ избрал такого человека, то тогда тем более вероятно, что до этого он отстранил Цинну [4. Р. 286]. Во-первых, здесь нет, конечно, прямой связи. Даже если народ избрал Мерулу, Цинна по-прежнему технически мог быть отстранен иначе, чем решением народа. Во-вторых, у Груэна я не нахожу утверждения о том, что Мерула – очевидный противник Цинны. Таким образом, перед нами вывод не Груэна, а самого Баумана, но последний никак этот вывод не аргументирует. В то же время Катц не без оснований указывает на то, что Мерула был, напротив, нейтральной фигурой [7. Р. 162–163, п. 2], что можно подтвердить хотя бы словами Аппиана (BC. I. 74) о том, что единственной причиной позднейшего преследования Мерулы стал сам факт того, что он занимал место Цинны, а не какие-либо его конкретные действия. Но если он первоначально не был противником Цинны, то его предполагаемое избрание народом (само по себе, повторюсь, недоказанное) никак не может увеличивать вероятность того, что благожелательно расположенный к Меруле народ до этого отстранил Цинну (которого совсем недавно сам и избрал).

Даже если при интерпретации событий 87 г. рассматривать *ex auctoritate senatus* в тексте Веллея как

указание на акт, который подготавливал другое решение, то необходимо принимать во внимание не только возможность того, что подразумевалась подготовка голосования комиций – единственный вариант, который учитывает Бауман, но и то, что имели в виду какое-то самостоятельное (в рамках собственных полномочий) действие второго консула Октавия. Ведь нередко фраза *ex auctoritate senatus* означала поддержку сенатом собственного акта консула, для имплементации которого созыва комиций не требовалось⁸.

Наконец, если бы мы признали *ex auctoritate senatus* указанием на пробулевтический акт сената, это еще не приводило бы к выводу о том, что за этим актом на деле последовало какое-либо решение другого органа, в том числе комиций. Парадоксально, но сам Бауман в конечном итоге признает именно это: голосование комиций, действительно, так и не состоялось; сенат так и остался единственной «инстанцией», которая на деле участвовала в отстранении Цинны [4. Р. 289]. Поскольку комиции – как несколько неожиданно заключает Бауман – оказались «ни при чем», исследователь концентрирует внимание на характере постановления сената. Он подчеркивает то, что, по его мнению, в рассматриваемом случае имел место особенный расширенный акт об объявлении врагом, сформулировать который позволяла характерная для *hostis-Erklärung* «гибкость» (*elastic properties*) [Ibid. Р. 287–288]. Причина корректировки Бауманом своего более раннего утверждения о том, что была реализована «простая» *hostis-Erklärung* (без уточнения, что декларация против Цинны отличалась от «стандартной»), видимо, в том, что нигде в источниках нет фразы о том, что Цинна был объявлен *hostis*. Бауман теперь не игнорирует это обстоятельство, но, видимо, считает, что оно вполне объясняется якобы особым характером *hostis-Erklärung* в исследуемом случае. По логике исследователя, поскольку данный конкретный акт состоял в сочетании лишения должности с лишением гражданских прав, именно об этих двух санкциях, а не о как таковом объявлении *hostis*, и говорят источники. Судя по изложению Аппиана (BC. I. 65), в латинском тексте предполагаемого постановления вполне могла содержаться вместо *hostem esse* фраза *neque consulem neque civem esse*, – заключает Бауман. Принятое сенатом решение должно было быть затем подтверждено комициями, однако на деле оно было поддержано только в части избрания Мерулы, а до голосования комиций по поводу абrogации империя Цинны дело так и не дошло [Ibid.].

Прежде всего, недоумение вызывает последний тезис Баумана. Ведь если комиции так и не аннулировали консульскую власть Цинны, но Мерулу все же избрали, то последний оказывался бы в таком случае третьим консулом, что вряд ли возможно. Однако капитальное противоречие в концепции Баумана заключается в ином. Исследователь подчеркивает, что лишение консульства не достигалось данным постановлением сената автоматически (вследствие лишения гражданских прав), а представляло собой отдельную эксплицитно

сформулированную санкцию. Однако ученый сам признавал, как было указано выше, что если бы сенат попытался отнять магистратуру собственным решением, напрямую, а не завуалировано (через лишение гражданских прав посредством «обычной» *hostis-Erklärung*), то такой акт воспринимался бы как узурпация власти народа. Таким образом, из рассуждений самого Баумана можно прийти к следующему. Либо Цинна формально так и не был лишен консульства, поскольку сенаторы своим постановлением и не стремились это сделать, т.е. постановление имело декларативный пробулевтический характер, а высказанные в нем пожелания таковыми и остались, поскольку комиции их не утвердили. Либо Цинна все же был формально лишен консульства, но такое решение было актом только самого сената и представляло собой узурпацию им власти комиций. Различие между этими двумя вариантами невелико и связано только с неодинаковым ответом на вопрос о том, как сам сенат позиционировал свое постановление. Цинна (и не только он) в любом случае оспаривал законность этих действий.

При интерпретации событий 87 г. до н.э. нередко забывают о том, что в источниках нигде прямо не сказано, что сенатское решение против Цинны понималось иначе, чем как простая декларация (без каких-либо юридических последствий) мнения сенаторов о том, что Цинна не достоин быть ни консулом, ни даже гражданином. Доказательством того, что именно такая интерпретация должна быть принята как базовая, могут служить все те случаи, когда сенат настаивал на абдикации, но решение об оставлении должности формально принимал все же сам магистрат. Если он этого не делал, то постановление сената никаких последствий не имело. Здесь можно вспомнить о событиях 63 г., когда Цицерон высказался о преторе П. Корнелии Лентуле, используя выражения, очень похожие на те, которые (в греческом варианте) употребил Аппиан в рассказе о постановлении сената против Цинны: «Ведь П. Лентул, хотя он на основании обнаруженных доказательств, своего собственного признания и суждения сената лишился не только прав претора, но даже и прав гражданина, все же сам отказался от магистратуры...»⁹. Таким образом, постановление сената, видимо, признававшее Лентула недостойным претуры и даже гражданских прав, формально к отстранению претора не привело: все дело решила абдикация. Наш случай от этой ситуации резко отличаются два обстоятельства: во-первых, отказ Цинны от добровольного сложения полномочий, а во-вторых, последующее назначение Мерулы. Первое означает, что Цинна формально так и остался консулом, а второе приводит к необходимости оценки законности вовсе не ответных действий Цинны, а назначения суффекта.

Потерю должности можно было бы понять как неизбежное следствие потери прав гражданина вследствие объявления врагом, и именно так первоначально и рассуждал Бауман [9. Р. 133]. Однако в своей позднейшей статье он настаивает на том, что сенат посчи-

тал такую процедуру недостаточно надежной [4. Р. 288]. Неизбежный вопрос о том, почему именно и только в данном эпизоде сенат решил «перестраховаться», исследователь оставляет без убедительного ответа. Бауман делает предположение о том, что опасения могли быть связаны с консульским статусом Цинны, но сам же дезавуирует это объяснение, упоминая события 88 г. Тогда даже статус плебейского трибуна, личность которого считалась неприкосновенной (*sacrosanctitas*), никак не помешал сенату не только объявить П. Сульпиция Руфа *hostis*, но и успешно добиваться, как уже было отмечено выше, преследования и физического устранения этого должностного лица.

Итак, в источниках нет прямого указания на объявление Цинны врагом (*hostem iudicare*). Есть лишь сообщение Аппиана о том, что сенат посчитал Цинну недостойным звания консула и гражданина. Вместо того, чтобы формулировать вывод об отсутствии *hostis-Erklärung*, Бауман делает из сената изобретателя особой формы этой декларации – «*interpreting its own hostis declaration*» [Ibid.]. Баумана не настораживает даже то, что он сам вынужден признать отсутствие каких-либо рациональных причин того, что сенат решил сформулировать постановление об объявлении *hostis* иначе, чем это делалось обычно.

Для того чтобы гипотеза Баумана работала, нужно также доказать, что постановление сената против Цинны звучало «жестче», чем «простое» объявление *hostis*. Исследователь обосновывает это тем, что «обычная» *hostis-Erklärung* лишала магистратуры не напрямую, а за счет того, что аннулировала гражданские права, в то время как декларация против Цинны сразу включала в себя и то, и другое. Обе санкции были явно сформулированы независимо друг от друга и представляли собой наказание за действия, совершенные Цинной в разном качестве: как консулом и как гражданином. Аргументация этого тезиса Бауманом сводится к тому, что в соответствующем пассаже Аппиана (BC. I. 65) слово *ὑπάτων* повторяется только в той части, где речь идет об оставлении Города в опасности. На этом основании Бауман делает вывод, что Цинна покидает Город как консул и за это лишается консульства, а свободу рабам предлагает как частное лицо (ведь не повторяется слово *ὑπάτων*) и за это лишается гражданства [Ibid. Р. 287]. Замечу, прежде всего, что вместо слова *ὑπάτων* во второй части фразы не стоит ничего, хотя по логике Баумана там должно было быть добавлено, например, *πολίτην*. Тогда предполагаемое противопоставление носило бы законченную форму. Но почему, собственно, нельзя предположить, что и во второй части подразумевалось *ὑπάτων*? Отвергать такую интерпретацию можно только в том случае, если утверждать, что консул мог обещать рабам свободу, лишь если предварительно снял бы знаки консульского достоинства и выступил бы именно как частное лицо. Однако это было бы не просто бессмысленно, но и вредно для него. Наибольший политический потенциал должен был иметь призыв к рабам как раз в том случае, когда он

исходил от консула, а не от частного лица. Наконец, постановку слова *ὑπάτων* не в конце всей фразы, а до слов *δοῦλοῖς ἐλευθερίαν κηρύττοντα* (и отсутствие повтора *ὑπάτων* в этой части высказывания) можно легко объяснить хотя бы тем, что оставление Города в опасности частным лицом (т.е. простой отъезд частного гражданина из Рима во время беспорядков в нем) не наказуемо. Именно поэтому потребовалось уточнение «будучи консулом, оставил Город в опасности». В то время как обещание свободы рабам наказуемо и в том, случае, если обещает консул, и в том случае, если обещает частное лицо.

Концепция Баумана об особой расширенной *hostis-Erklärung* против Цинны аргументируется также тем, что якобы в передаче Аппиана порядок санкций в сенатском постановлении был необычным. Сначала называется лишение консульства, а затем лишение гражданства, а не наоборот (когда лишение гражданских прав в результате «стандартной» *hostis-Erklärung* автоматически приводило затем к потере консульства) [4. Р. 287]. Однако такой порядок будет казаться странным лишь в том случае, если постановление сената против Цинны считать *hostis-Erklärung*. Если отказаться от этого предположения, то «противоречие» разрешится само собой. На мой взгляд, последовательность санкций в рассматриваемом случае определялась обычной логикой перечисления от меньшего к большему: сначала лишали консульства (меньшего), а потом гражданства (большого). Перечисление политических санкций от менее строгой к более строгой мы часто обнаруживаем в других случаях, в том числе в имеющем непосредственное отношение к проблеме изучения механизмов досрочного отстранения магистратов от должностных обязанностей пассаже Цицерона, где перечисляются меры, которые в ходе политической борьбы могут быть предприняты против плебейских трибунов¹⁰. На то, что потеря гражданских прав воспринималась как более строгое наказание для Цинны, недвусмысленно указывает *πολίτην ἔτι* («даже гражданином»). В то время как в концепции Баумана все наоборот: именно упоминание лишения консульства, а не лишения гражданских прав, якобы делало *hostis-Erklärung* против Цинны «жестче».

Более общее внутреннее противоречие предложенной Бауманом трактовки событий 87 г. состоит в следующем. С одной стороны, он утверждает, что акт сената формулировался как пробулевтический. Если так, то он достигал бы цели только в случае последующего утверждения комициями. С другой стороны, Бауман делает вывод о том, что постановление сената, на практике так и не поддержанное голосованием комиций, оказывается вполне самодостаточной (и даже более того, необычно эффективной) *hostis-Erklärung*.

Но особенно рельефно концепция Баумана обнаруживает ограниченность своего объяснительного потенциала тогда, когда на ее основе интерпретируется описание Аппианом поведения Цинны перед войском у Капуи. Ученому, по сути дела, приходится разрешать

следующее противоречие: если объявление Цинны врагом планировалось утвердить комициями, но до голосования дело так и не дошло, то почему Цинна все же не проигнорировал декларативное либо незаконное решение сената? Бауман находит выход в предположении о том, что Цинна решил «сыграть на опережение», не дожидаясь комиций, которые точно лишили бы его власти. Согласно исследователю, для этого Цинна совершил абдикацию перед солдатской сходкой. Расчет был основан якобы на том, что народ, «вероятно», не смог бы ни аброгировать то, от чего Цинна уже отказался сам, ни лишить его «первоначального» (т.е. предоставленного комициями в Риме) империя тогда, когда солдаты уже наделили его «новым» [4. Р. 288–289]. Но в таком случае оказывается, что с целью упрочить свое положение Цинна сначала отказался от должности, предоставленной ему абсолютно законно, а затем на собрании войска, будто на комициях, был заново избран консулом. Но укрепил бы он тем самым легитимность своего положения? Скорее наоборот, ведь, согласно Ливию, комиции в действующем войске были давно запрещены (*Liv.* VII. 16. 7–8; 357 г.). Пытаясь доказать неактуальность этого запрета в I в., Бауман ссылается лишь на единственный эпизод ок. 212 г., где о воинских комициях говорится в контексте возмущения сената по поводу претензий на ранг пропретора со стороны простого всадника, избранного полководцем войсками в дальней провинции после гибели магистратов, возглавлявших армию (*Liv.* XXVI. 2)¹¹. Данный случай, таким образом, ясно демонстрирует как раз то, что организацией своего переизбрания «воинскими комициями» (если теоретически допускать возможность такого переизбрания) Цинна подорвал бы собственное положение гораздо «надежнее», чем это был способен сделать сенат.

Если целью Цинны было завоевание расположения армии, то заполучить поддержку войска он мог не только за счет переизбрания консулом, но и за счет подтверждения солдатами уже имевшегося у него статуса консула, что делает предположение о переизбрании избыточным. Кроме как на основании этого общего соображения, предположение Баумана об избрании Цинны «воинскими комициями» должно быть отвергнуто по целому ряду дополнительных причин:

1. Оно прямо противоречит содержанию передаваемой Аппианом речи Цинны, так как переизбрание войсками стало бы тем же самым, в чем Цинна обвинял сенат, – беззаконием.

2. Оно противоречит содержанию указанной речи еще и потому, что в последней прямо отмечается, что Цинна добивался от войска не переизбрания, а именно подтверждения уже совершенного ранее избрания (εἰ μὴ βεβαιώσετε μὲν, ἃ δίδετε).

3. Сложение фасок перед *contio* (что сделал Цинна, выступая перед войском), вопреки мнению Баумана [Ibid. Р. 288], само по себе не говорит об абдикации (отказ от должности в интерпретации исследователя должен предварять переизбрание), а может символизиро-

вать признание магистратом верховенства народа, избравшего его (жест идеально подходящий содержанию речи Цинны); достаточно вспомнить хотя бы хотя бы традицию о консуле 509 г. П. Валерии Публиколе (см., например, *Liv.* II. 7. 7).

4. То, что Цинна разодрал собственное магистратское одеяние [4. Р. 288], само по себе также не указывает на абдикацию, и не только потому, что это был бы слишком экстравагантный способ отказа от должности. Даже если разодранную одежду Цинны приравнять к снятой одежде (т.е. имел место показательный отказ от ее ношения вообще, а не прием, рассчитанный на то, чтобы разжалобить аудиторию), то можно вновь сослаться на случай Цезаря 62 г., когда он сменил одеяние должностного лица на одежду лица частного (*Suet.* Iul. 16). Это не помешало ему через несколько дней продолжить исполнять обязанности претора без всякого переизбрания, как только сенат отменил решение об отстранении Цезаря от должностных обязанностей [13].

5. Если Цинна был «воинскими комициями» законно наделен «новым» империем, как настаивает Бауман, то, во всяком случае, составители консульских фастов об этом ничего не знают.

6. Бауман делает почти курьезное предположение о том, что «длительная неподвижность» (*long immobility*) Цинны, который после завершения своей речи бросился с трибунала в толпу и продолжительное время лежал на земле, объясняется тем, что в течение всего этого времени как раз и должны были проходить воинские комиции, которые его переизбрали [4. Р. 288].

7. Конечно, не является убедительным и такой аргумент Баумана: несмотря на «запутанность» (*devious*) такой стратегии Цинны, последний прибег к ней потому, что «простым человеком» (*simple man*) он якобы не был [Ibid. Р. 289]. Цинна, каким бы «непростым человеком» он ни был, не обязан был следовать запутанной стратегии, предполагаемой Бауманом.

8. Наконец, Бауман ссылается на то, что империй в то время находился «в чрезвычайно неустойчивом состоянии» (*in a state of considerable fluidity*): можно было отбирать его заочно, как и, возможно, лишать конкретного командования или провинции без аннулирования самого империя [Ibid.]. Но неясно, какое отношение это имеет к трем ключевым тезисам Баумана, которые он должен доказывать для того, чтобы его концепция работала, т.е. к следующим положениям: (1) солдаты на момент 87 г. могли законно избрать консула в воинском лагере; (2) Цинна совершил абдикацию на воинской *contio*; (3) расчет Цинны строился на том, что предоставленный солдатами империй уже не могли аброгировать комиции в Риме.

При всей неубедительности аргументации Баумана, его исследование в высшей степени ценно, поскольку в нем была сделана попытка реконструировать следствия (очень показательные) из предположения о том, что Цинна был объявлен *hostis*, но не был отстранен комициями. На мой взгляд, рациональное зерно в концепции Баумана есть и заключается оно в признании того, что объективно

положение Цинны как консула было поставлено под сомнение, что Цинна не мог просто проигнорировать акт сената, и что он должен был предпринять какие-то действия, если хотел и далее исполнять должность консула

[4. Р. 289]. Результаты анализа предложенной Бауманом интерпретации, прежде всего, подводят к необходимости осмысления и объяснения именно этого чрезвычайно важного обстоятельства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Источники см.: [1. Р. 46].

² Автор благодарит Марко Мюллера (Marko Müller; Университет Бремена, Германия) и Якуба Филоника (Jakub Filonik; Ягеллонский университет в Кракове, Польша) за помощь в получении доступа к ряду важных исследований по теме.

³ Ср., например, *Liv. Per. LXXVII*: a senatu hostes... iudicati sunt.

⁴ *App. BC. I. 65*: Ἡ μὲν δὲ βουλὴ τὸν Κίνναν, ὡς ἐν κινδύνῳ τε τὴν πόλιν καταλιπόντα ὑπατον καὶ δοῦλοις ἐλευθερίαν κηρύξαντα, ἐψηφίσατο μῆτε ὑπατον μῆτε πολίτην ἐπὶ εἶναι καὶ Λεύκιον Μερόλαν ἐχειροτόνησαν ἀντ' αὐτοῦ, τὸν ἱερέα τοῦ Διός.

⁵ См., например, [12. Р. 19].

⁶ *Vell. Pat. II. 20. 3*: e qua (sc. urbe) pulsus collegae optimatumque viribus, cum in Campaniam tenderet, ex auctoritate senatus consulatus ei abrogatus est suffectusque in eius locum L. Cornelius Merula, flamen Dialis. haec iniuria homine quam exemplo dignior fuit («Цинна, вытесненный из него (sc. из Города) силами (своего) коллеги и оптиматов, направился в Кампанию. По решению сената он был отстранен от консулата, а на его место был назначен Л. Корнелий Мерула, жрец Юпитера. Это беззаконие более соответствовало случаю Цинны, чем было достойно стать примером»).

⁷ Есть основания полагать, что, во всяком случае, постановление сената не могло иметь форму SCU. Это признает и сам Бауман [4. Р. 293, п. 125]. Стандартная для SCU формулировка *videant consules* означала, что Цинна оказывался бы в числе тех, кто должен был бы по постановлению сената предпринять те или иные меры против себя самого. Даже если остаются сомнения по поводу убедительности этого аргумента, в любом случае, в источниках, как справедливо отмечает Аллели, нет никаких намеков на применение именно данной формы постановления сената [12. Р. 29].

⁸ Ср., например, *Liv. XXVI. 27. 6*: itaque consul ex auctoritate senatus pro contione edixit...

⁹ *Cic. Cat. III. 15*: Nam P. Lentulus, quamquam patefactis indicibus, confessionibus suis, iudicio senatus non modo praetoris ius, verum etiam civis amisserat, tamen magistratu se abdicavit...

¹⁰ *Cic. Att. VII. 9. 2*: ...tribunus plebis senatum impediens aut populum incitans notatus aut senatus consulto circumscriptus aut sublatus aut expulsus sit... («...плебейский трибун, препятствующий сенату или возбуждающий народ, пусть будет либо подвергнут порицанию, либо ограничен сенатским постановлением, либо отстранен, либо изгнан...»).

¹¹ Подробнее об этом эпизоде см.: [16].

ЛИТЕРАТУРА

- Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. N. Y. : American Philological Association, 1952. Vol. 2. 647 p.
- Kunkel W. Wittmann R. Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik. Zweiter Abschnitt: Die Magistratur. München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1995. 806 s.
- Ungern-Sternberg J. Untersuchungen zum Spätrepublikanischen Notstandrecht. München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1970. 153 s.
- Bauman R.A. The *hostis* Declarations of 88 and 87 B.C. // *Athenaeum*. 1973. Vol. 51. P. 270–293.
- Morstein-Marx R. Consular Appeals to the Army in 88 and 87: the Locus of Legitimacy in Late-Republican Rome // *Consuls and Res Publica* / eds. H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. P. 259–278.
- Katz B.R. Studies on the Period of Cinna and Sulla // *L'antiquité classique*. 1976. Vol. 45. P. 497–549.
- Katz B.R. The Selection of L. Cornelius Merula // *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 1979. Bd. 122. S. 162–166.
- Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 202 p.
- Bauman R.A. The Abdication of 'Collatinus' // *Acta classica*. 1966. Vol. 9. P. 129–141.
- Bauman R.A. The Abrogation of Imperium: Some Cases and a Principle // *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 1968. Bd. 111. P. 37–50.
- Satterfield S. Notes on Phlegon's Hermaphrodite Oracle and the Publication of Oracles in Rome // *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 2011. Bd. 154. S. 117–124.
- Allély A. La déclaration d'*hostis* sous la République romaine. Bordeaux : Ausonius, 2012. 320 p.
- Frolov R.M. Better than (when) a Magistrate? Caesar's Suspension from Magisterial Functions in 62 BC // *Mnemosyne*. 2017. Advance articles. URL: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/1568525x-12342265> (дата обращения: 18.03.2017).
- Lintott A. The Constitution of the Roman Republic. Oxford : Oxford University Press, 1999. 297 p.
- Gruen E.S. Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C. Cambridge, Mass : Harvard University Press, 1968. 337 p.
- Фролов Р.М. Dux tumultuarius Л. Марций Септим в 212 г. до н.э.: идентификация и самоидентификация организатора воинских contiones // Вестник ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4/2 (22/2). С. 135–137.

Frolov Roman M. P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia). E-mail: frolovrn@yandex.ru

R. BAUMAN'S VIEWS ON THE SUSPENSION OF L. CORNELIUS CINNA FROM MAGISTERIAL DUTIES IN 87 BC

Keywords: Roman Republic; L. Cornelius Cinna; suspension from office; *hostis*-Erklärung; R. Bauman.

This paper aims to examine R. Bauman's interpretation of the suspension of the Roman consul L. Cornelius Cinna from magisterial duties in 87 BC. To this end, the following tasks need to be accomplished. First, the general objections against the view within which Bauman considers the episode must be described (according to this view, Cinna was deprived of his authority by the senate that declared him a public enemy – *hostis publicus*). Secondly, Bauman's conclusions and the course of the development of his ideas concerning Cinna's suspension are to be clarified. Finally, his arguments must be critically assessed. The methodology of the present historiographical study consists first of all of a comparison of the assertions which Bauman makes in his different articles (published in 1966, 1968, and 1973). It also suggests an assessment of each of these assertions on its own merits. The source base for this analysis is the ancient narrative tradition. As a result, the following conclusions can be drawn. In his 1966 and 1968 articles, Bauman points out that Cinna's virtual disfranchisement by the *hostis*-*Erklärung* practically resulted in his loss of the magisterial status as well. However, in the 1973 paper, Bauman argues that the senate, in effect, interpreted "its own *hostis* declaration" whereby Cinna was deposed directly. This contradicts Bauman's idea (articulated in the same article) that the senatorial decree was meant merely to be "put to probouleutic use for the purposes of a *rogatio* to the people" concerning the abrogation of Cinna's consular *imperium* (*abrogatio imperii*), even though in reality the vote in the *comitia* never happened. According to Bauman's entirely unsupported view, "Cinna may have decided to forestall this": he

voluntarily abdicated in a meeting at the military camp (where he arrived after being forced to leave Rome). He then secured a reelection at an “assembly *militiae*”. Bauman’s logic is that Cinna thus avoided his deposition by the decision of the *comitia* in Rome because the people’s “purported abrogation of the original *imperium*” could not apply to its “reconferred version”. The present paper considers in detail the internal contradictions of this interpretation and demonstrates that there is no convincing evidence that may support Bauman’s propositions. At the same time, it is concluded that an analysis of this scholar’s views may help to come closer to a new understanding of the controversial episode of 87 BC because Bauman rightly draws attention to an important detail that needs to be understood and explained: whatever the assessments of the legality and legitimacy of Cinna’s suspension, his position as a consul was indeed undermined. Cinna could not ignore the senatorial decree and must take action if he hoped to proceed with exercising his consular powers.

REFERENCES

1. Broughton, T.R.S. (1952) *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. New York: American Philological Association.
2. Kunkel, W. & Wittmann, R. (1995) *Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik. Zweiter Abschnitt: Die Magistratur* [Political order and state practice of the Roman Republic. Second Section: The Magistracy]. Munich: C. H. Beck’sche Verlagsbuchhandlung.
3. Ungern-Sternberg, J. (1970) *Untersuchungen zum Spätrepublikanischen Notstandrecht* [Investigations on late republican emergency law]. Munich: C.H. Beck’sche Verlagsbuchhandlung.
4. Bauman, R.A. (1973) The *hostis* Declarations of 88 and 87 B.C. *Athenaeum*. 51. pp. 270–293.
5. Morstein-Marx, R. (2011) Consular Appeals to the Army in 88 and 87: the Locus of Legitimacy in Late-Republican Rome. In: Beck, H., Duplá, A., Jehne, M. & Pina Polo, F. (eds.) *Consuls and Res Publica*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 259–278.
6. Katz, B.R. (1976) Studies on the Period of Cinna and Sulla. *L’antiquité classique*. 45. pp. 497–549.
7. Katz, B.R. (1979) The Selection of L. Cornelius Merula. *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 122. pp. 162–166.
8. Mouritsen, H. (2017) *Politics in the Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Bauman, R.A. (1966) The Abdication of ‘Collatinus’. *Acta classica*. 9. pp. 129–141.
10. Bauman, R.A. (1968) The Abrogation of Imperium: Some Cases and a Principle. *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 111. pp. 37–50.
11. Satterfield, S. (2011) Notes on Phlegon’s Hermaphrodite Oracle and the Publication of Oracles in Rome. *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 154. pp. 117–124.
12. Allély, A. (2012) *La déclaration d’hostis sous la République romaine* [The declaration of hostis under the Roman Republic]. Bordeaux: Ausonius.
13. Frolov, R.M. (2017) Better than (when) a Magistrate? Caesar’s Suspension from Magisterial Functions in 62 BC. *Mnemosyne*. Advance articles. [Online] Available from: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/1568525x-12342265>. (Accessed: 18th March 2017).
14. Lintott, A. (1999) *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford: Oxford University Press.
15. Gruen, E.S. (1968) *Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C.* Cambridge, Mass: Harvard University Press.
16. Frolov, R.M. (2012) Dux tumultuarius L. Martius Septim v 212 g. do n.e.: identifikatsiya i samoidentifikatsiya organizatora voinskikh contiones [Dux tumultuarius L. Marcius Septimus in 212 B.C.: Identification and Self-Identification of the Military contiones Convener]. *Vestnik YarGU im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*. 22(2). pp. 135–137.